

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КОНТАКТЫ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В. Головин, О. Николаев

И.-Г. КАМПЕ “WINTERLIED” — А. С. ШИШКОВ «НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ»: ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

В статье анализируется стихотворение «Николашина похвала зимним утехам» А. С. Шишкова, ставшее первым хрестоматийным текстом русской детской поэзии. Рассматриваются проблемы соотношения с источником, форм бытования и истории восприятия текста. Герменевтический комментарий к стихотворению позволяет выявить и описать принципы поэтики, обусловившие уникальный и новаторский характер произведения: явление «детской риторики», эффект «плавающего резонанства», создание поэтических версий детского праздничного и игрового дискурсов, стиховой строй, опирающийся на жанр фольклорной считалки.

Ключевые слова: Шишков А. С., «Николашина похвала зимним утехам», Kinderbibliothek I. N. Kampe, Kleine Kinderbibliothek, Овербек, Winterlied, хрестоматийность, «детская риторика», фольклоризм, топика народного праздника, детская игра, считалка, суффиксальная поэтика.

А. С. ШИШКОВ И «ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА»
И.-Г. КАМПЕ

Перевод А. С. Шишковым знаменитой книги “Kleine Kinderbibliothek” И.-Г. Кампе по праву считается одним из первых удачных примеров русской детской литературы европейского типа. При этом книгу Кампе относят как к литературным опытам, так и к педагогическим. Кампе создавал антологию для детей, которая должна совершенствовать ребенка через «приятное и увлекательное» чтение. Необходимость такой антологии Кампе объясняет сложностью выбора литературных текстов для чтения детям

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Педагогические идеи в детской литературе России и Германии» 17-06-00288.

родителями или самими детьми из уже известного свода детских произведений. Кампе устанавливает три критерия, которым должно отвечать литературное произведение для детей: оно должно быть понятно, увлекательно и поучительно. Категория «понятности» коррелирует с возрастом — Кампе делит читателей на три возрастные группы — до 7 лет, до 10 лет, до 12 лет и выше — и распределяет все произведения по этим группам. Произведения по возрастам разделяются картинками. Для того, чтобы вычленил довольно сложный критерий «увлекательности» Кампе проводит своего рода эксперимент: читает детям вслух, наблюдая за их реакцией, и если хоть один ребенок зеваает или отвлекается, произведение в антологию не включается. Проверить достоверность и репрезентативность эксперимента сейчас не представляется возможным. Рассуждая о критерии «поучительности», Кампе полагается на свои представления о детях и постулирует принципы нравов, которые будут излагаться в книге: нравовление должно быть понятным ребенку; соотноситься с возрастом (примеры из взрослой и сословной морали исключаются); в них должно показывать человека с положительной стороны. Если необходимо проиллюстрировать слишком печальные последствия человеческих пороков, то тогда надо предлагать сюжет с животными, перелагая на них пороки людей. Если речь пойдет о пороках взрослого человека, то демонстрировать их надо «постепенно» и лишь те, которые дети наблюдают у взрослых в своей повседневной жизни и, соответственно, могут у них перенять. Если герой нравовительного рассказа — ребенок, то надо писать об опрометчивых, а не злых детях, которые могут вызвать ненависть у маленьких читателей. Писать надо о детях, которые имеют сначала мелкие, а потом крупные недостатки, при этом не допуская, чтобы они не исправились, «пока не уйдут со сцены».

Кампе объявляет, что книга составлена преимущественно из его произведений, но включает и произведения других авторов, которые сильно отредактированы в соответствии с читательским назначением антологии или самими авторами или Кампе, с разрешения последних. Некоторые произведения изданы анонимно, поскольку составитель не мог связаться с их авторами, но в тоже время внес в них изменения, с которыми авторы могли не согласиться. В заключение Кампе призвал литераторов способствовать своему проекту [Campe 1779, pp. 3–10]. “Kleine Kinderbibliothek” стала крайне популярной в Европе и России и успешно конкурировала с аналогичными изданиями, прежде всего с “Magasin des Enfants ou Dialogues

d'une sage gouvernante avec ses eleves de la premier distinction" Лепренс де Бомон (1756, русский перевод — 1761), "l'Ami des enfants" Арнольда Беркена (1782, русский перевод — 1799) и "Kinderfreund" Христиана Вейсе (1776–1782). Все эти книги и публикации из журналов переводились в Англии, Германии, Франции и России.

А. С. Шишков отобрал для своего первого издания 106 произведений¹ (51 — первая часть, 55 — вторая) из 4-х первых выпусков "Kleine Kinderbibliothek" Кампе (1 вып., 1779, 51 произведение; 2 вып. 1779, 53 произведения, 3 вып., 1780, 64 произведения, 4 ч. 1780, 72 произведения). Таким образом, через три года после первого издания антологии Кампе А. С. Шишков перевел почти половину произведений из 4-х первых выпусков². Следовал ли А. С. Шишков принципам Кампе, касающимся «понятности, увлекательности и нравочительности»? На этот вопрос можно ответить утвердительно, поскольку практически все его произведения, за считанными исключениями, — переводы-кальки из книги Кампе. Ключевая характеристика своей книги, высказанная Шишковым в предисловии: «простым и внятнм слогом учит детей благонравию» [Кампе 1783, с. 5], — близка к правилам, которые устанавливает Кампе для своей "Kleine Kinderbibliothek". В то же время, принципы отбора произведений Шишковым можно назвать произвольными. В первую часть его книги попали в большинстве произведения первой части "Kleine Kinderbibliothek" Кампе, меньшее количество из второй и четыре произведения из третьей части. Во второй части «Детской библиотеки» Шишкова представлены, в основном, произведения из третьей и четвертой части. Единственное, что можно отметить в содержательном отношении: из третьей и четвертой части выбираются произведения для младшего возраста, а так же то, что в книге Шишкова значительно меньше «нравочительных смертей детей», хотя таковые и присутствуют, иногда по две в одном тексте³. Кроме того, Шишков не делит произведения, включенные в книгу, по читательским возрастам и не указывает авторов, которых он переводит. Большинство изменений Шишкова следуют принципу Кампе — текст должен быть понятен детям. Имена детей и резонеров, меняются на русские, последние из имен собственных превращаются в «говорящие» (Рудольф-Добросерд). Происходит русификация немецкой бытовой и календарной культуры, впрочем, что не мешает похоронить дитя порочное и дитя страдающее (Нагашу и Петрушу) «от Лейпцига в пол мили». Шишков переводами из Кампе вводит в русскую литературу новые жанры и темы, которые впоследствии

получат в ней довольно широкое распространение: первые литературные колыбельные (причем, одна с изменением адресата), молитвы, тема умирающего ребенка и др.⁴

«ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА» КАМПЕ В РУССКИХ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ: МЕХАНИЗМЫ ХРЕСТОМАТИЗАЦИИ

Нас в первую очередь интересуют новации Шишкова в русской детской литературе и самое главное — создание первого русского «хрестоматийного» (в плане популярности и узнаваемости) стихотворения — «Николашиной похвалы зимним утехам» — написанного ранее «Чижика» В. В. Капниста и басен И. А. Крылова.

А. В. Вдовин и Р. Г. Лейбов во вступительной статье «Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX в.» утверждают следующее: «Сам механизм селекции может быть описан либо как результат *институционального отбора*, либо как следствие *имманентных свойств текста*» [Вдовин, Лейбов 2013, с. 8]. Поддерживая саму идею авторов, нас несколько смущает союз «либо». Имманентные свойства текста мы считаем определяющими, что николи не снижает значения «институционального отбора». «Институциональный» успех переводу Шишкова был заложен еще до появления книги в свет. Книга Кампе, под русским названием «Собрание разного рода сочинений или детская виблиофика Кампе», не позже 1780 г. была рекомендована «Комитетом, рассматривающим училища» «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг» [Семенников 1913, с. 79]⁵, и директор Академии наук и председатель указанного «Собрания» С. Г. Домашнев заказал офицеру Морского Шляхетного корпуса А. С. Шишкову ее перевод [Шишков 1806, с. 3]. Таким образом, еще до перевода книга Кампе рассматривалась как «массовое» издание для училищ. Издательская и книготорговая судьба первого издания перевода А. С. Шишкова была вполне успешна. Книга печаталась иждивением Академии наук тиражом 1 200 экземпляров на «здешней лучшей комментарной бумаге» и постепенно заказывалась столичными кушцами⁶. До 1846 г. вышло 7 изданий. Причем популярность «Детской библиотеки» Шишкова поддерживалась издательским успехом, престижностью и репутацией в России самого первоисточника — “Kleine Kinderbibliothek” Кампе. Так, В. С. Подшивалов в «предуведомлении» к книге «Бесценный подарок...» (1789) объявляет, «что книга сия взята вся из одного сочинения, состоящего в нескольких томах, изданного на немецком

языке г. Кампе, автором известным всему свету по своим весьма многим и превосходным творениям» [Бесценный подарок 1797, с. III]. На самом деле это далеко не так, о чем убедительно написал В. Симанков: «Однако это утверждение противоречит действительности. На самом деле в “Бесценном подарке” было помещено только 11 переводов из “Детской Библиотеки” Кампе, то есть совсем незначительная часть... Не вызывает сомнений, что Подшивалов просто собрал под одну обложку все свои переводы из “Детского чтения для сердца и разума”» [Симанков 2015, с. 328–329]⁷. Тем не менее, Подшивалов использует репутацию Кампе, настойчиво рекомендуя свой перевод читателю⁸. Следует также допустить, что именно популярность шишковского перевода Кампе, заставила Подшивалова таким образом называть и рекламировать свои издания. Переводы из “Kleine Kinderbibliothek” появляются не только у Шишкова. И не только «Николашина похвала...» обретает черты хрестоматийности. В новиковском «Детском чтении для сердца и разума» печатаются «Три золотые рыбки», «Четыре времени года», «Лжец-теленок» [Бекетова 1927, с. 94], 11 произведений — в «Бесценном подарке...» В. С. Подшивалова (1797), в первом учебном пособии по словесности Н. И. Греча «Избранные места из русских сочинений...» («Великодушие и благодарность» — пер. Шишкова) [Избранные места 1812], в «Русской азбуке» Н. И. Греча («Три золотые рыбки», «Резвая коза» — пер. Шишкова). Активно использовали переводы Кампе и Л. Н. Толстой, и К. Д. Ушинский, которому в советской и современной педагогической прессе приписывают авторство рассказа «Четыре желания». Последний рассказ в 1779 г. публикует Кампе («Четыре времени года»), в 1783 г. его переводит Шишков, в 1785 г. он публикуется в первой части «Детского чтения для сердца и разума» Н. И. Новикова, в 1829 г. Б. Федоров переложил его на стихи («Всякое время приятно»), в 1846 г. в «Русской азбуке» его публикует Н. И. Греч, а в 1864 г. отредактированный рассказ попадает в «Родное слово» К. Д. Ушинского под названием «Всякое время приятно» (146 изданий до 1914 г.). Читательская жизнь рассказа Кампе продолжалась все советское время и продолжается сейчас благодаря многочисленным переизданиям сборников Ушинского, который включал из Кампе не только этот рассказ. Можно отметить и вариацию на эту тему в стихотворении Саши Черного «Когда веселей» [Привалова 1966, с. 258–259]. Борис Федоров перевел известную песню «Отсрочка» Христиана Феликса Вейсе (“Morgen! Morgen! Nur nicht heute! Sprechen immer träge Leute”),

также входившую в издание Кампе: «Завтра. Подражание немецкому» («Завтра, завтра, не сегодня, — так ленивцы говорят»). Возможно, есть и еще одна косвенная причина «институционального» продвижения Кампе в России и его перевода Шишковым. В конце XVIII в. в России зарождался культ Моцарта; композитор, имевший ряд томов Кампе у себя в библиотеке, положил несколько его произведений на музыку. В их числе «Вечерние думы», «Фиалка» (И. Кампе), «Детские игры», «Весенняя песня» (К. Овербека), которые Кампе включил в «Детскую библиотеку». Они узнаваемы и сейчас, а некоторые из них, благодаря Моцарту, «хрестоматийны», то есть включены в общую музыкальную подготовку.

Эти моцартовские песни были популярны и тогда, популярны и сейчас. Моцарт не писал музыку на источник «Николашиной похвалы» — “Winterlied” (“Jauchze, wenn der Frühling weckt!..”) Кристиана Адольфа Овербека (1755–1821)⁹, нет этого текста и у известного композитора Райхардта, главного капельмейстера Берлинской капеллы, который выпустил в 1781 г. сборник на тексты Кампе [Lieder 1781]. Но тем не менее, в начале XIX в. есть несколько изданий, где “Winterlied” опубликована как песня¹⁰. Уже с 1806 г. Шишков свои издания «Детской библиотеки» снабжает более пространством предисловием, в котором фиксирует успешность, популярность и полезность своей книги:

Книга сия на Российском языке давно уже известна под названием *детской библиотеки*. Она есть отчасти перевод, отчасти же подражание изданной от господина Кампе на немецком языке книги, называемой *kleinie kinder-bibliothek* <...> Между тем вышеупомянутая книжка моя простым слогом увеселяла детей и наставляя их в благонравии, они многие стишки наизусть читали, и родители оную принимали благосклонно, так что в течение шестнадцати или семнадцати лет была она троскратно издана, токмо не мною; ибо я о последних двух изданиях не имел уже никакого сведения. Также к двум моего перевода частям прибавлены в прозе еще две части, не знаю кем переведенные [Шишков 1806, с. 3–5].

Шишков отнюдь не занимался здесь саморекламой, книга действительно была популярной.

У книги Шишкова — в период частого появления зарубежных и отечественных антологий, сборников, хрестоматий для детского чтения (последняя четверть XVIII в. — первая четверть XIX в.) — было одно важное конкурентное преимущество, точно отмеченное в статье Елизаветы Олескиной: «Однако, несмотря на большую точность перевода в отдельности, Шишков все-таки

трансформирует оригинал. Дело здесь в отборе и композиции. “Детская библиотека” Шишкова гораздо компактнее, хотя и “Kleine”, но многотомной “Kinderbibliothek” Кампе» [Олескина 2009, с. 128]. Этот фактор стимулировал приобретение и использование книги: «компактное» издание нравоучительных примеров функционально удобнее для детского чтения и чтения детям и приветствовалось родителями и педагогами¹¹. Первая одобрительная рецензия вышла уже в 1786 г. В журнале «Зеркало света» о переводе Шишкова говорилось:

Сия книга одобренная в Немецкой земле многими учеными обществами и состоящая в нескольких частях, есть действительно из числа самых лучших творений, изданных в нынешнее время для наставления детей в благонравии как по хорошему выбору статей, так и простому, внятному и весьма приятному слогу. Прекрасное ее преложение на российский язык делает не менее чести трудившемуся в оном, как и самому сочинителю, в доказательство чего предлагаем мы здесь некоторые статьи.

Далее полностью перепечатаны переводы Шишкова: «К Маше на ея голубку», «Резвая коза», «Алексашина молитва», «Счастье благодетельства»¹². При всей композиционной простоте рецензии, состоящей из незамысловатого оценочного суждения, подкрепленного примерами из текста, следует отметить, что отзывы такого типа на детскую литературу (позитивная/негативная оценка + примеры) в критике детской литературы преобладают до сих пор. Хочется обратить внимание на тот факт, что по мнению авторов статьи, этот отзыв, возможно, является первой рецензией на отечественную детскую литературу (слово перевод, в отношении ряда опытов Шишкова в «Детской библиотеке», можно применять весьма условно). Следует также отметить, что в данной рецензии примерами выступали лишь поэтические тексты. Свидетельств о популярности издания «Детской библиотеки» множество. Во-первых, уже с первой четверти XIX в., она стала появляться в росписях и указателях для чтения, в разделах «для чтения малолетних детей»¹³. Во-вторых, имеется ряд восторженных воспоминаний об «упойтельном» чтении этой книги в детстве, например: «К упомянутым выше книгам, занимавшим меня в детстве, должен с благодарностью прибавить “Детскую библиотеку Кампе”, переведенную Шишковым: я выучил ее наизусть, но должен сказать, к чести моего детского чутья: я чувствовал неравенство слога в разных ее частях и заключал, что она написана

не одним, а многими» [Греч 1990, с. 70.] Аналогичное мнение оставил и Я. К. Грот¹⁴. В третьих, фиксируются факты не только популярности чтения книги Шишкова, но и обучения по ней грамоте: «...всякий русский, обучаясь грамоте, читал и твердил наизусть басни и стихи из Детской библиотеки» [Биография адмирала Шишкова 1842, с. 433–434], «Книжка эта до 30-х годов прошлого века была сильно распространена в русских семьях при обучении детей грамоте» [Троцкий 1913]. Она также обозначается как учебная книга: «...переведена так изящно, что она для обучения детей нравственности и начал словесности, принята, можно сказать классическим произведением» [Биография адмирала Шишкова 1842, с. 427]. И, наконец, в-четвертых, существует изрядное количество просто комплиментарных отзывов о книге Шишкова, например: «...безделки, написанные им для детей, могут служить образцами в сем роде» (А. А. Бестужев) [Бестужев 1823, с. 18–19], «...не было в России не одного образованного семейства, в которой не имели бы ее: вот почему она до сих пор не потеряла своей цены. Простота изложения и легкость рассказа, сохраняют все свое достоинство, и она даже теперь может быть дана ребенку» (П. Сухонин) [Сухонин 1861, с. 27–44]. Можно вспомнить аналогичные отзывы С. Н. Глинки, Б. М. Федорова¹⁵, К. С. Сербиновича [Сербинович 1874] и многих других.

«НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ»:

ГРАНИ И КОЛЛИЗИИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Перейдем теперь собственно к «Николашиной похвале зимним утехам». Для начала надо сказать, что и сам источник ее “Winterlied” (“Jauchze, wenn der Frühling weckt!..”) Кристиана Адольфа Овербека, помещенный в “Kleine Kinderbibliothek” Кампе, стал обнаруживать свойства хрестоматизации в немецкой традиции. Во-первых, текст *начал* утрачивать свою целостность с точки зрения точности его передачи: во многих публикациях обнаруживаются, хоть и незначительные, расхождения, его начали сокращать, что свойственно популярным произведениям. Во-вторых, немцы уже в 1828 г. начали путать автора “Winterlied”, приписав стихотворение Маттиасу Клаудиусу (Matthias Claudius), стихи которого Кампе также использовал в “Kleine Kinderbibliothek”¹⁶. Это могло быть простой опечаткой, но могло быть и фактором хрестоматизации, когда авторство текста путается и забывается (ср.: «Дети, в школу собирайтесь», «Вот моя деревня», «В лесу родилась елочка» и пр.).

Факты огромной популярности шишковского перевода Кампе и шишковского стихотворения «Николашина похвала зимним утехам» рассмотрены в ряде статей, но наиболее обстоятельно они проиллюстрированы в статьях К. Г. Боленко и Е. А. Ляминой, здесь мы позволим себе напомнить их примеры.

В 1811 г. В. А. Жуковский включил четыре стихотворения из «Детской библиотеки» Шишкова, в том числе «Николашину похвалу...» в свое «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских», под названием «Похвала зиме. Детская песня» [Собрание русских стихотворений 1810, с. 244–246]. Хотя с этим включением был не согласен П. А. Вяземский¹⁷, следует признать, что публикацию в таком собрании можно считать важнейшим *институциональным* стимулом. Отметим, что, согласно нашим разысканиям, это первое отечественное литературное произведение, опубликованное с названием «Детская песня». Не исключаем, что переименование В. А. Жуковским «Николашиной похвалы зимним утехам» в «Похвалу зиме. Детскую песню», могло быть связано как с первоначальным названием оригинального стихотворения Овербека, так и с ее музыкальным исполнением. Характерно, что в одном из немецких учебных сборников, песня Овербека называлась «Похвала зимы», правда ее там приписали другому поэту¹⁸. В качестве первого критерия популярности и общего знания этого стихотворения А. С. Шишкова приведем свидетельства, где его называют «классическим». В. Г. Белинский, анализируя книгу «Азбука русская новейшая, или Букварь для обучения малолетних детей чтению...» (1844)¹⁹ назвал «Николашину похвалу...» «классическими стихами», процитировал первую строфу и нашел их похожими на «выходцев с того света» [Белинский 1955, с. 244]. П. В. Засодимский, отметил: «В “Библиотеке” есть одно классическое стихотвореньице, которое отцы наши заучивали, бывало, наизусть и передавали потомству. Это “Николашина похвала зимним утехам” <...>»²⁰. Таким образом, в 1844 г. уже, а в 1878 г. еще, стихотворение называли классическим. Фактов о чтении и знании «Николашиной похвалы...» в конце XVIII — начале XIX вв., подтверждающих ее «хрестоматийность», более чем достаточно. С. Т. Аксаков считал «Детскую библиотеку» «лучшею детскою книгою» (своего детства), называя ряд входящих туда стихотворений «истинными сокровищами для маленьких детей», а «лучше всех написанной» — «Николашину похвалу зимним утехам». С. Т. Аксаков сделал еще ряд важных замечаний о чтении и популярности «Детской библиотеки»,

в том числе процитировал стихотворение «Не в неге я родился», которое свидетельствует о специфической читательской рефлексии детей того времени [Аксаков 1955, с. 361–363]. С. П. Жихарев так фиксирует свои впечатления от первой встречи с Шишковым: «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека, которого детские стихи получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать: “Хоть весною/И тепленько...”» [Жихарев 1989, с. 84]. В. Я. Стоюнин отмечает, что «В тридцатых годах, в своем детстве, я еще слышал от некоторых лиц не совсем пожилых, которые произносили стихи, заученные ими в детстве». Далее он цитирует несколько строф из «Николашиной похвалы» и «Петрушиного ответа». Заключается фраза словами: «Вероятно, и теперь во многих захолустьях Русской земли повторяются эти столетние детские песенки» [Стоюнин 1880, с. 30]²¹. Несколько с другим оттенком комментирует «Николашину похвалу» Н. В. Сушков: «Впрочем, что касается русско-простонародного направления, как ни странно покажется с первого взгляда, а нельзя не назвать в числе деятелей русско-простонародной школы и А. С. Шишкова: его, всю Русью затверженные стихи: “В зимний холод всякий молод” и т. д. доказывают, сколько сочувствовал ей наш строгий классик и почтенный родоначальник славянской школы» [Обоз к потомству 1854, с. 255]. В. Н. Майков, критически оценивая детскую библиотеку Шишкова издания 1846 г., однако замечает: «Перевернув несколько отменно серых страниц этой книжки, мы убедились, что дети, учившиеся читать по первому ее изданию, давно утешаются внуками» и приводит два отрывка из шишковских переводов, один — из «Николашиной похвалы...»²². Попала «Николашина похвала...» и в русскую литературу. В «Старых слугах» И. А. Гончарова описан случай, когда его слуга, любивший и распевавший Жуковского, на прочтение «Николашиной похвалы...» ответил: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба». В изображенной Гончаровым коллизии значимы два момента. Во-первых, писатель, воспроизводя оценивающую реплику слуги Валентина, убедительно демонстрирует «простонародность» шишковского стихотворения. Во-вторых, информативна «ошибка» Гончарова: «Наконец я увидел какую-то хрестоматию без заглавия, кажется Греча, поискал что-нибудь понятное, и как раз подвернулось стихотворение Шишкова, и я стал читать» [Гончаров 1980, с. 134]. В хрестоматиях Н. И. Греча этого произведения нет, но популярность его хрестоматий была значительной. На протяжении

почти двух веков (!), с 1831 г. по 2005 г., «Николашина похвала...» попадает как образец хорея в разделы учебников и хрестоматий по «стопосложению» и стиховедению. Рецензент «Московского телеграфа» в 1831 г. критически отмечал, что в «Сокращенной русской грамматике» А. Х. Востокова «статья о Стопосложении нейдет к делу, и приклеена тут Бог знает для чего. Правда, всего четыре странички! Замечательно, что Автор нашел случай употребить два раза стихишки: “Хоть весною/И тепленько,/А зимою/ Холодненько”»²³. В современном литературоведческом словаре для школьников в разделе «Хорей» также цитируется и анализируется «Николашина похвала зимним утехам»²⁴. Ряд фактов свидетельствует об анекдотических случаях с «Николашиной похвалой», ее использовании в саркастических выпадах против А. С. Шишкова, литературной полемике, и даже ее переделках. Эти факты как нельзя лучше свидетельствуют, что стихотворение было «на слуху», то есть обладало качеством всеобщей узнаваемости. Прежде всего, следует отметить использование этого стихотворения в литературной полемике «Беседы русского слова» (которую возглавляли Г. Р. Державин и А. С. Шишков) и «Арзамаса». «Николашина похвала зимним утехам» была как бы поэтическим знаком «Беседы» для ее критиков. В 1812 г. П. А. Вяземский пишет:

Вы можете раз в месяц сидеть с важностью в «Беседе» и слушать, не платя ни гроша за вход, как Захаров доказывает превосходство женщин над мужчинами тем, что почтеннейшая наша прабабка Эва сотворена из ребра Адама Саваовича, а почтеннейший наш прадед Адам Саваович — только из персти; хотя, однако ж, где-то сказано, и, кажется, в Священном писании, что этот Саваович, каков ни был, а сделан, однако ж, на образ божий был, — но это безделица! А что всего приятнее, вы, как говорят, можете запивать подобные тому истины чаем с сухарями или клюквенным морсом, приготовленным кухаркою знаменитого творца «Песни на зиму», известной многими подобными стихами: «А как, матки, придут святки, тут-то грохот, смехи, хохот! О какие, тут дурные, есть личищи, на игрищи!» [Литературный архив 1994, с. 128]

На заседании «Арзамаса» 25 ноября 1815 г. С. С. Уваров («Старушка») произнес речь, где использовал «Николашину похвалу...» и попутно высмеял занятия Шишкова детской литературой:

У подошвы русского Пинда, посреди Беседы, цвела некогда нежная и скромная певица. С самой колыбели она почувствовала влияние гениев и *взраживала* при имени *Седого Деда*. В *зимний холод* согревалась она у пламенника его поэзии. Собравшись к *огонечку*, вся семья внимала с восхищением истинно ребяческим повестям *Седого Деда*; а когда

матки придут святки, то юная Сафо предавалась всем движениям пылкого воображения; но и тогда мысль о возлюбленном была с нею неразлучна; играя в *снежки*, или в *салазки*, младая певица твердила его неподражаемые стихи и, слава Богу, вкушала *радость многу* [Арзамас и арзамасские протоколы 1933, с. 119].

Как сообщал в III Отделение Ф. В. Булгарин, в конце апреля или в начале мая 1828 г.:

<...> на счет отставки Шишкова сочинена небольшая радостная песенка. Представлено, будто Шишков сидит в Российской академии и пародирует известную свою песенку для детей, сочиненную им в молодости.

Пародия.

Хоть в России и умненько,

В Академии глупенько,

Но и в луже

Нам не хуже,

Здесь Хвостовы, Соколовы и т. д.

Далее, для сравнения, представлено 6 стихов «настоящей песни» [Рейтблат 1993, 144].

Последний цитируемый и возможно малодостоверный факт, представляет анекдотический случай, отчасти свидетельствующий, что популярность шишковской песни дошла до «оскомины»:

Рунич оставался попечителем округа и в министерстве Шишкова, до открытия беспорядков по хозяйственной части, и всячески старался к нему подбиться. На экзамене гимназии Шишков, утомясь испытанием учеников в каких-то скучных предметах, вздумал посмотреть книги, разложенные на столе перед ним, для раздачи в награду ученикам. Взял одну и развернул: «О старом и новом слоге русского языка»; другую: «Разговор о словесности»; третью: «Детская библиотека» — все его собственные сочинения! Он видимо смутился. Шутники говорили, что потом, когда он, по приглашению попечителя, пришел к нему на завтрак, дети Рунича (а их была куча) запели хором из «Детской библиотеки»: «Хоть весной и тепленько, а зимой холодненько» и проч. [Греч 1990, с. 226]

«НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ»: ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ХРЕСТОМАТИЙНОГО ТЕКСТА

Перечисление фактов популярности «Николашиной похвалы...» можно продолжать. Но ясно одно, стихотворение набрало весь регистр «хрестоматийных» признаков: оно активно читалось, было любимым, легко запоминалось в детстве и сохранялось в памяти.

Оно «участвовало» в обучении чтению. Его исполняли как песню. Оно попало в школы и училища. Его активно перепечатавали в разных детских сборниках. Есть факт его «переделки». Общее знание стихотворения включило его в литературную полемику и анекдотические истории²⁵. Институциональная ангажированность «Николашиной похвалы зимним утехам» и диапазон читательского восприятия убедительно доказывают ее «хрестоматийность». Осталось понять, насколько это обусловлено «имманентными свойствами» самого текста, которые, кстати, отчетливо проявляются в его бытовании в культурной памяти. Эти проблемы уже становились предметом исследования. Так, В. А. Кошелев выделяет «три поэтических открытия», которые Шишков представил «в этом нехитром тексте»: тема русской зимы, новаторство в области стиха (двухсложный хорей с женскими рифмами), первый в русской поэзии образ ребенка как ребенка, а не «маленького взрослого» [Кошелев 2010, с. 123–125]. Но это самое «нехитрое» устройство текста Шишкова никогда не подвергалось серьезному анализу. Внутренние секреты стихотворения, обеспечившие его невероятную популярность, так и остаются неразгаданными. Предпринимаемое нами своего рода герменевтическое комментирование «Николашиной похвалы...», возможно, позволит выявить те уникальные образно-смысловые свойства стихотворения, которые сделали его первым русским детским хрестоматийным текстом.

Апология зимы Х. А. Овербека

“Winterlied” («Зимняя песня») Овербека построена на модели апологии, хотя апологичность и замаскирована самим названием стихотворения — «песня». Апология зимы разворачивается при постоянном на протяжении текста сравнении ее с весной; лето и весна упомянуты в «Зимней песне» четыре раза, один раз даже в уничижительной форме: «май, вассал лета». Зачин задает императив весеннего ликования (что подчеркнуто и грамматической формой), отсылая к обычному и несомненному порядку вещей:

Ликуй, когда разбудит весна!

Люди, пробужденные весной, должны ликовать, и это непреложно и правильно. Союз «но» не опровергает весеннего императива, призывая не забыть о зиме, которую тоже есть за что похвалить:

Но дайте зиме
Тоже свою похвалу, ибо за этим
Действительно что-то кроется.

Далее Овербек приводит один за одним аргументы, почему необходимо хвалить и зиму. Они складываются в несколько типологических групп:

- бодрость организма («быстрые ноги», «горячая кровь»),
- душевное здоровье («Зимний воздух делает сердце и чувство весьма бодрыми и живыми»),
- гастрономические радости («хороший аппетит», «хорошее жаркое», «как обширен желудок»),
- красоты природы («Смотрите, как красива белая земля, / Как она в серебре сияет», «Но январь тоже знает, / Как добывать цветы / Они даже искусственно вырастают / На оконном стекле»),
- атмосфера веселья («каверзы», «проделки», «озорство», «шуточки», «задор», «потеха напрягает животы»).

Цепочка аргументов закономерно приводит Овербека к выводу:

Поэтому любите зиму тоже,
Как Бог дал ее!

Автор, естественно, не останавливается на одной зиме и «расширяет» назидательное заключение на все времена года:

Кто веселый, тот живет хорошо;
Все времени года
Могут доставить много радости сердечку.

Современный российский читатель сразу опознает здесь топос «У природы нет плохой погоды...», столь хорошо знакомый по песне на стихи Эльдара Рязанова из кинофильма «Служебный роман». Собственно говоря, эта песня безупречно достигла цели, которую ставили еще Овербек и опубликовавший его Кампе. В массовом метеорологическом дискурсе цитата из Эльдара Рязанова оказывается чуть ли не самой частотной «погодной» сентенцией.

«Николашина похвала зимним утехам»

Название шишковского стихотворения по сравнению с овербековским выглядит аналитически развернутым. Шишков вводит жанровое обозначение «похвала», на первый взгляд, в большей степени соответствующее аполитическому пафосу стихотворения, чем овербековская «песня». Но риторический жанр приписан у Шишкова ребенку (у Овербека субъект высказывания безличен) — Николаше (форма имени здесь, естественно, указывает на детский возраст). В само название автор вводит понятие «детской риторики», в этом

заключена некоторая оксюморонность: риторика, по умолчанию, — дело взрослых, дети риторические тексты не производят, они риторике обучаются, они — лишь точка приложения педагогических риторических практик, но не их источник.

В антологии Шишкова-Кампе есть еще одна апология зимы: «Андрюшина похвала зиме». Стихотворение довольно точно следует традиционной апологической модели, построенной на сопоставлении весны и зимы. Хотя в нем и упоминаются и детские «утехи», и игры, но до художественной уникальности «детской риторики» «Николашиной похвалы...» ей далеко. Но «Николашина похвала» адресована не просто зиме, а конкретно — зимним утехам. Шишков точно следует за ребенком как субъектом высказывания: Николаша хвалит не зиму целиком и в общем, а именно «утехи», то есть то, что в зиме является главным для ребенка. Если ребенок упражняется в риторической похвале государственным свершениям или проявлениям добродетели и начинает размышлять о высоких вещих «по-взрослому», то старшие закономерно должны удивиться и улыбнуться детской наивности. Собственно говоря, неуклюжесть и очевидная художественная неудача «Андрюшиной похвалы зиме», в которой Шишкову явно не удалось убедительно изобразить детский взгляд на вещи, вполне подтверждают этот факт.

Детей-резонеров у Шишкова, как и у Кампе, достаточно. Но они наставляют и поучают, как взрослые, и затрагивают вневозрастные (универсальные?) вопросы человеческой морали. А если, согласно названию стихотворения, детская похвала адресована именно «детским вещам», то у читателя неизбежно возникают вопросы: «А что же это такое может быть и как это может выглядеть?» Ребенок, рассуждающий о добродетелях — это всегда смешно. А ребенок, восхваляющий детские утехы? Таким образом, на наш взгляд, само название шишковского стихотворения подогревает читательское ожидание, настойчиво зазывает его разобраться в «детской риторике» по поводу «детских вещей».

«В зимний холод всякий молод»

Шишков сохраняет общую «апологическую» рамку Овербека, «Николашина похвала...» тоже построена по кольцевой композиции, еще более очевидной, так как «весна» упоминается только в начале и в финале стихотворения. Вот только внутри «апологического» кольца господствует дискурс, принципиально отличный от назидательной цепочки аргументов Овербека. Он лишь самым

общим (таксономическим) образом отчасти перекликается с текстом «Зимней песни» — описание атмосферы радости с ее атрибутами («шуточки», «проделки» и т. д.) И у Шишкова нет ни «хорошего жаркого», ни цветов на стекле.

Шишков отказывается от какой-либо интродукции (весенний императив ликования выполнял у Овербека эту функцию), начиная стихотворение с синтаксической конструкции, редко используемой в инициальной (тем более для всего текста!) роли:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько...

Конструкция «хоть а» обеспечивает моментальный вход в стихотворное рассуждение, как бы сходу, с середины разговора. Вполне убедительный прием для создания эффекта «детской риторики». Рифма «тепленько — холодненько» отсылает к русскому детскому фольклору (например, в прибаутке: «коростелько — на постельку»). Следует заметить, что наречия с суффиксом *-еньк-* довольно редко употребляются в русском литературном языке, и явно их бытование сдвинуто в сторону просторечной коммуникации, в том числе взрослых с детьми. Кстати, конструкции противопоставления обладают и мнемотехническим потенциалом, они обеспечивают связку фактов и смыслов в памяти. Думаем, что во многом такой зачин определял и легкое запоминание первых строк текста Шишкова. «Стуже-хуже», «холод-молод» — тоже рифмы мнемотехнического характера. Известность текста Шишкова во многом и определялась закреплением в памяти первых восьми стихов.

«Но и в стужу/Мне не хуже», «В зимний холод/Всякий молод», — два утверждения, связанные синтаксическим параллелизмом и задающие развертывание смысла от индивидуальной констатации к назидательному обобщению. При этом здесь совмещаются, по сути, два субъекта поэтического высказывания: «мне не хуже» явно относится к Николаше, а вот «В зимний холод всякий молод» — фраза, которую вряд ли может произнести ребенок, она очевидно отсылает к взрослому, да еще и откровенно резонерствующему. Просторечность, со стилистической шероховатостью и с оттенком детской наивности, первого утверждения явно противопоставлена четкой синтаксической выстроенности и почти

терминологичности второго: «зимний холод» — словосочетание чуть ли не из академического регистра, в отличие от «стужи».

Сыграл ли взрослый в ребенка или ребенок во взрослого — вопросы, не требующие разрешения. Важнее другое: возрастная двойственность субъекта у Шишкова создает уникальный эффект некоего «плавающего» резонерства, которое является значимым дискурсивным планом стихотворения в целом. Игра «голосами» взрослого и ребенка (скорее всего неосознанная), позволяет автору оттенить взрослое резонерство детской естественностью и наивностью, а оценочное высказывание ребенка из сиюминутного и спонтанного («мне не хуже») вывести на уровень обобщения. По сути, Шишков здесь вводит апологическую модель, но в отличие от Овербека без предварительной риторической подготовки («дайте зиме похвалу»), а прямо начиная с главного аргумента в защиту зимы: «В зимний холод всякий молод». А заданная «двухголосность» позволяет трактовать его в двух планах. С точки зрения взрослого, зимой человек «молодеет», то есть, почти по Овербеку, обретает физическую и душевную бодрость. А вот с позиции ребенка (Николаши) это утверждение может быть прочитано с другим смыслом: зимой взрослые приближаются к детям, то есть все оказываются детьми. В конце концов, и зима смешивает возрасты, и Шишков, который пишет о ней, смешивает восхваляющих ее ребенка и взрослого.

Разворачивая главный аргумент апологии, Шишков скорее следует за Николашей, чем за «академиком-резонером». «Всякому» придаются черты детей — «все игривы, все шутливы». «Игра» и «шутка» становятся взрослыми занятиями. Но констатации появления в зимнее время «детских» качеств у взрослых Шишкову мало, он вписывает их и в особое пространство-время: «В долгу ночьку к огонечку», — фактически создавая универсальную формулу зимнего уюта, опять же с детской точки зрения, о чем говорят уменьшительные суффиксы. (В переводе на академически-резонерский язык это может звучать как «В долгие зимние ночи к огню очага...»)

В этой универсальной точке зимнего уюта «все сберутся», то есть, по Николашиной логике, и дети, и те, кто — на зимнее время — стал детьми. Это подчеркивается и анафорическим «все», употребленным три раза: «Все шутливы, все игривы <...> Все сберутся». При этом «все сберутся» — формула, отсылающая к народной традиции и обладающая отчетливыми коннотациями праздника. «Все» собираются только в ритуальной ситуации. Совершенно уместно здесь и будущее время глагола, подчеркивающее ритуальную

вневременность: не «собирались», не «собираются», а именно «собираются». В крестьянских рассказах о праздниках, записывавшихся фольклористами в XX в., традиционен зачин: «Бывало, соберутся...»

Шишков разворачивает формулу «все соберутся» еще одной народной формулой: «стары, малы». Она указывает на полюса возрастной шкалы, по сути, обозначая «всех»: и «старых», и «малых» и тех, кто находится между ними. Правда, в контексте Николашиной похвалы возрастные оппозиции уже стали фиктивными, приближаясь к семантике другой народной формулы: «старый, что малый», — но присоединяя к этому тождеству и взрослых («старших»). Изобретает Шишков и общие занятия для «всех собравшихся»:

Точат балы
И смеются.

«Точить балы» — фразеологизм, довольно распространенный в литературных текстах XVIII в.: «говорить льстивые или обманчивые слова, болтать»²⁶. В XX в. фразеологизм более известен в формах «точить балясы» или «точить лясы». Во-первых, «смеются» относится к «балам», пустой болтовне. Во-вторых, «смех» замыкает праздничную ситуацию (что подчеркнуто и кольцевой рифмовкой): «Все соберутся... И смеются». В-третьих, все, ставшие, как дети, «игривыми» и «шутливыми», закономерно стали все время — опять же, как дети — смеяться. В целом характеристика атмосферы зимы как времени уюта, радости, смеха, игры выстроена исходя из детского (гиперболизирующего) модуса восприятия. Николаша своей «похвалой» всю зиму изображает как сплошной праздник, а всех взрослых превращает в детей, так как они ведут себя, как дети. Можно сказать, что Шишков создает литературную версию традиционного праздника с детской точки зрения. Точен Шишков и в модальности: праздник возникает не в зоне воспоминания, а в зоне ожиданий; еще раз подчеркнем употребление глагола в будущем времени: «соберутся». В традиционной культуре и взрослые ожидают праздник, но дети в особенности. Говоря с определенным упрощением, у традиционного ребенка время измеряется ожиданием праздника.

«А как матки/Придут святки...»

Если сама зима для Николаши уже праздник, то Святки несомненно вводятся как праздничный апогей, пик зимы как праздника, о чем красноречиво говорит стяжение союзов в зачине — «а как».

Наименование святок «матками» в русской традиции встречается нечасто; во всяком случае «матки-святки» не попали в национальную святочную топику. Кстати, о недопонимании формулы, возможно, свидетельствует и один эдиционный факт. В подготовленной В. А. Кошелевым публикации писем П. А. Вяземского к К. Н. Батюшкову слово «матки» заключено в запятые («А как, матки, придут святки...») [Литературный архив 1994, с. 128]²⁷, что грамматически переводит его в разряд обращений (к неким «матерям»?) и отделяет по смыслу от «святков». Кроме «Николашиной похвалы...» Шишкова через 130 лет формула «матки-святки» всплывет в русской литературе в названии цикла «святочных фарсов» А. М. Ремизова: заголовок «Матки-святки» впервые появился в авторском сборнике «Весеннее порошье» (СПб., 1915). Ремизовское название цикла, очевидно, связано с содержанием вошедших в цикл рассказов, имевших святочную — эротическую или загадочную — подоплеку. В ходе работы над статьей, по всей видимости, удалось выявить источник заголовка «Матки-святки». Он, скорее всего, восходит к ремизовской публикации в журнале «Заветы» (1914, № 3): «Россия в письмах. Круг жизни. Письма 1817–1826 гг.»; ранее формула «матки-святки» в текстах Ремизова не встречается.

Опубликованные письма Ремизов обнаружил в эпистолярном архиве дворянского рода Калечицких, когда летом 1912 г. гостил в имении Бобровке (Бельский уезд Смоленской губернии) у Анны Алексеевны Рачинской. В письме Михайлы Калечицкого от 26 ноября 1826 г. есть следующий «святочный» фрагмент:

А и мы к Вам бы явились *праздновать матки-святки*, жаль, что *Бардина нет для вертепов!* Но за то придут наши петербургские, наслушавшая там в театре, скажут нам какую-нибудь тираду, а можит, когда полгчели (что и несумненно нащот дениг), то сломают комедию, и я буду слуга двух гаспод, а Анастасия — субретачка, только бы прискать карсет, чтобы сделать ея субтильною... [Ремизов 1914, с. 154]

Характерно сгущение театральности вокруг «маток-святков» как в народной («вертепы»), так и в дворянской («комедия») версиях. Дворянское театральное костюмирование здесь явно выглядит как отражение народных игрищ ряженных.

Интересно, что в предисловие к публикации Ремизов, описывая «круг жизни», который представляют письма, увенчивает его именно «святками»:

В этих письмах видится мне некоторый круг жизни: письма поздравительные со вступлением в брак и сообщение о судьбе приятелей-товарищей холостой жизни, письма о разводе и благоприятной развязке дела, письмо деловое о делах по службе, письмо о смерти жены и о устройстве детей, письмо городское — о событиях петербургской жизни, и письма деревенские, семейные — на одном листе по трое пишут! — семейные, о детях, о приискании гувернантки, пожелания родственнице благоприятно разрешиться, *приглашения погостить и обещания провести вместе Святки* [Ремизов 1914, с. 137].

В фольклорной традиции нам известен пока только один текст с данной формулой — песня, записанная И. И. Земцовским в селе Усмынь Куньинского района Псковской области в 1964 г.:

Как подходят святки-матки,
Все святые вечера,
Ай ли, ай люли,
Все святые вечера
[Поэзия крестьянских праздников 1970, с. 233].

Интересно, что «матки-святки», упомянутые в письме М. Кале-чицкого, скорее всего, восходят к народной традиции той же этно-графической зоны — Псковско-Смоленского пограничья. И. И. Зем-цовский так комментирует текст:

Редкая запись святочной песни-баллады об инцесте (кровосмеси-тельный брак). Близка известной балладе «Иван-да-Марья», чаще всего бытующей в качестве купальской песни. <...> Приуроченность баллады к святочным игрищам может быть объяснена характерным для святок обрядовым эротизмом [Поэзия крестьянских праздников 1970, с. 573].

Следует уточнить, во-первых, что это балладный сюжет о несостоявшемся инцесте, в отличие от сюжета об «Иване-да-Марье» купальской песни. Познакомившиеся на святочной гулянке парень и девушка вовремя обнаруживают, что они брат и сестра, у них одинаковые отчества — Иван Карпович и Анастасья Кар-повна²⁸:

Спасибо, бог узнал,
Что с сестрой не пойграл <...>
Спасибо бог стерег,
Что с сестрою спать не лег
[Поэзия крестьянских праздников 1970, с. 234].

Во-вторых, для псковской традиции, к которой относится и данная песня, повышенный эротизм святочных игрищ ряженных объясняется контекстом годового ритуально-мифологического сценария: сразу за святками следует мясоед, единственный в году период свадеб. То есть игровой эротический разгул игрищ вполне объясним обрядовой функцией своего рода «наделения» — прежде всего девушек — эротической энергией вплотную перед брачным сезоном. В-третьих, святочное время обладало инициальной семантикой и в космическом (зимний солнцеворот, начало года), и в христианском (Рождество Христово) измерениях. Тогда и несостоявшийся инцест может трактоваться как первое прецедентное мифологическое событие, приуроченное именно к святочным гуляньям.

Конечно, все эти смыслы кажутся далекими от шишковского стихотворения. Но они поддерживаются наименованием святок «матками», которое использовал и Шишков. Один из пучков значений слова «матка», актуальный в данном контексте, отсылает к семантике изначального, корневого, срединного: «Источник чему-либо, место рожденья, происхожденья, корень; | середка, середина, средоточие, остие, центр, особенно центр тяжести. | Место под лесом, где ягод обильно»²⁹. Очевидно, формула «матки-святки» и может быть истолкована как «корневое» время, где все закладывается и откуда все берется. Прозвание «матка» используется в народной речи отнюдь не редко по отношению к пространству: «хлебная матка» (деревня, славящаяся по округе изобилием хлеба)³⁰, «малиновая матка» (о месте, где растет больше всего малины)³¹, «Вятка всему богатству матка»³², «Утка крикнет, берега звякнут: «Собирайтесь, ребятки, в деревянну матку!» (или: «Собирайтесь, детки, в одну клетку!») (церковь»³³ и т. д. «Временные матки» встречаются гораздо реже, и явно с наложением семантики материнского («матка» в значении «мать»): «Осень-то матка: кисель да блины; а весною-то сиди, сиди да гляди!», «Сердита матка, да прикрыла деток до красного дня пуховым одеяльцем. (Зима)»³⁴. На этом фоне «матки-святки», еще и с использованием множественного числа, выглядят в смысловом отношении довольно архаично, но в контексте Николашиной похвалы вполне логично: от зимы как общего времени веселья к святкам как «маткам» — временному стержню, источнику и корню как зимы, так и всего года. Правда, Шишков расчленяет формулу «матки-святки», руководствуясь откровенно считалочной природой своего стиха:

А как матки
Придут святки...

На святки зимняя атмосфера веселья нагнетается, доводится до предела: шум болтовни («точат балы») становится «грохотом», игривость превращается в «игры», смех («И смеются») — в «хочот». Зимняя атмосфера радости здесь оборачивается звуковым ландшафтом святок, с блестящей аллитерацией, усиленной заимствованным из детской речи и трудно произносимым «тут-то»:

ТуТ-То ГРоХоТ,
ИГРы, ХоХоТ...

Кстати, доминанта звукового измерения также характерна для детских описаний.

У шишковских святок три смысловые грани: «корневое» время зимы («матки-святки»); время «предельного» веселья — шума, игры, смеха; время «дурных личиц»:

О, какие
Тут дурные
На игрищи
Есть личищи!

Ряженные — один из основных знаковых элементов святок. Но Николаша говорит не о ряженных как таковых, а передает тот сгусток эмоций, который характеризует детское восприятие игрищ. Уже в междометном зачине («О, какие...») заключены и удивление, и испуг, которые доводятся до предела в гиперболизирующей рифме: «игрищи — личищи». Шишков снова прибегает к излюбленной им технике игры с суффиксальной семантикой. При этом «игрище» — это народный термин, и он лишен гиперболизирующих и пугающих значений суффикса *-ищ-*. В «личищи» значение страха очевидно, особенно если учесть, что слово скорее всего образовано с помощью суффикса *-ищ-* не от «лицо (см. в словаре В. И. Даля: «Лицо, лице ср. личико, личишко, личище»), а от «личина» (там же: «Личина ж. накладная рожа, харя, маска. Святочные округники в личинах»).

Можно вполне говорить о шишковском неологизме, опять же явно ориентированном на детское восприятие: для ребенка «личины» ряженных естественно видятся «личищами», да еще и на «игрищи». Кстати, в «Словаре языка XVIII в.» «личина» в значении «святочная маска» не фиксируется. Распространенным

для литературных текстов было употребление слова «личина» в переносном значении: «Нынѣ почти весь свѣтъ в личинах, и по лицу ни чьего сердца не познаешь. Лук. Щепет. 204»³⁵. Явно «личищи», образованные по модели «игрищ», отбрасывают тень страха и на последние. А инверсия («...дурные/На игрищи/Есть личищи!») вкупе с подогнанными окончаниями («игрищи — личищи») и вовсе сближают понятия по их эмоциональному смыслу так, что эпитет «дурные» может относиться и к «личищам» и к «игрищам». По В. И. Далю: «Дурной, нехороший, во всех отношениях: нескладный, некрасивый, безобразный; негодный, плохой; неприятный или гадкий». У Шишкова в слове «дурные», скорее всего, заключены и удивление безобразным, и резонерская оценка, и семантика страха: дурное, которое поражает, дурное, которое этически неприемлемо, и дурное, которое пугает. К отдаленным коннотациям можно отнести «дурное» как отсылку к «дурачествам» или обозначение «нечистого» (ср. «дурной глаз»). Снова можно в этом случае говорить о «плавающей» резонерской позиции: «дурные личищи» на (дурных!) «игрищах» и оцениваются — с точки зрения резонерствующих взрослых, и страшат — с точки зрения детей. Ряженные на святках возникают в настоящем времени — «есть». Фактически снова создается эффект ритуальной вневременности. Ребенок знает, что всегда, при наступлении святок, он будет удивляться и бояться.

«Дурные личищи» — пик детских святочных эмоций, дальше уже двигаться некуда, поэтому снова «всплывает» взрослый, который, с одной стороны, пытается объяснить восторги детей «дурным» — тем, чем с резонерской точки зрения восторгаться не следовало бы, а, с другой, умиляется детским восприятием:

А плутишкам
Ребятишкам
Там и нравно,
Где забавно...

Снова Шишков играет суффиксальной семантикой. Ласково-умилительная форма «ребятишкам» усиливается «плутишками» — в отличие от «плутов» это несомненно, позитивная характеристика. Восхищение детской шалостью Шишков вводит в русскую поэзию, кажется, первым. Есть здесь, на наш взгляд, и педагогический подтекст, явно адресованный родителям: с одной стороны, «плутишкам» нравится то, что забавно; с другой стороны — то,

что превращено детским взглядом в «забавное», вряд ли может быть вредным. Можно сказать, что Шишков отстаивает детскую «оптику забавного» как способ защиты ребенка от вредных воздействий взрослого мира.

Далее Шишков приводит исчерпывающий реестр праздничной топики — по сути, взрослой, но данной сквозь призму детского восприятия — то есть то, что может быть «забавным» для детей.

Где пирушки,
Где игрушки,
И где смехи,
Скачки, пляски,
Песни, сказки,
Все утехи

«Реестровость» подчеркнута и сгущением наречия «где» (четыре раза подряд в четырех стихах) и замыкающей формулой «все утехи», которая может восприниматься и как порядковая позиция реестра, и как обобщение. Будучи, несомненно, выдающимся мастером суффиксальной поэтики, Шишков, рифмуя «пирушки» и «игрушки», превращает взрослые обрядовые застолья в «забаву» для детского восприятия. Понятно, что слово «игрушки» используется как обозначение всего того, что связано с игрой, игровым началом (ср. переключку со «все игривы» и «грохот, игры, хохот») ³⁶. Рифма «пирушка — игрушка» была знакома поэзии XVIII в.; например, в «Енеиде» Осипова: «Но не смотря на всю пирушку До пьяна не велѣл я пить, Чтоб с нами и опять игрушку Еол не вздумал подшутить. Оспв Енеида I 126» ³⁷. Но в заданном в «Николашиной похвале...» поле «детской риторики» «игрушки» все равно не становятся до конца «взрослым» словом; в нем в любом случае сохраняются детские коннотации (отсылка к игрушкам как предметам игры).

Употребление слова «смех» во множественном числе («И где смехи»), наверное, вполне допустимое в грамматике XVIII в., здесь создает убедительную иллюзию множественности, подробности смеховой атмосферы праздника. «Скачки, пляски» — народная формула праздничного разгула, которую «цитирует» Шишков; например: «Скачется, пляшется, вина-пива хочется». А «песни, сказки» — обобщающее обозначение фольклорной традиции, но, скорее всего, не изнутри (как «скачки, пляски»), а извне — с точки зрения профессиональной литературной культуры.

«Едем в Питер. /Я пусть кучер...»

Фрагмент стихотворения, посвященный зимним детским забавам, казалось бы, продолжает «реестр», но построен на других — нарративных, «ролевых» и динамических — принципах. Шишков рисует «живые картинки», основанные на детском игровом сознании. Лирическим героем окончательно становится ребенок, причем играющий, от имени которого конструируется игровое событие. Игра «разгоняется» введенными через анафорический союз «а» двумя вопросами с ответами-восклицаниями. Причем вопросы — сигналы, вызывающие к детскому игровому опыту («А снежки-то?», «А коньки-то?»), а ответы — формулы, которые и аккумулируют в себе всю забаву, и «магически» запускают ее: «Ком, свернися!», «Стань, катися!» Моментальное одушевление предмета и повелительное обращение к нему свойственно только детскому игровому поведению. «Игровое волшебство» повелевает предметами, а также всеми детьми и каждым из них (ср. с формулой «Стань передо мной...» волшебной сказке). «Разгон» продолжается вопросом «А салазки?», ответ на который — уже не «волшебная» формула, а особого типа нарратив, насыщенный императивными конструкциями и междометиями, — собственно игра, как бы стихийно конструируемая среди детей. Впервые в русской поэзии Шишков фактически создает детский игровой текст не описанием извне, а изнутри самой игры и по ее законам. Аналогом этому уникальному опыту почти через полтора столетия может быть разве что «Игра» Даниила Хармса:

Бегал Петька по дороге,
 по дороге, по панели,
 бегал Петька по панели
 и кричал он:
 — Га-ра-рар!
 Я теперь уже не Петька,
 разойдитесь!
 Разойдитесь!
 Я теперь уже не Петька,
 я теперь автомобиль.

Здесь текст равен игре, и, подобно реальным детским играм, начинается с клича-призыва («Эй, ребята!», продолжается игровой инструкцией (объяснением правил игры) и раздачей игровых ролей («По подвязке/Надо с брата») с явным самовывдвижением игрового лидера («командира»), от лица которого и ведется повествование.

Характерно, что игра требует новых игровых номинаций: те, кто только что назывался «ребятами», теперь — в ходе игры — «братья». В «Песенке на купание» «превращение» (по законам «игрового волшебства») бревна в коня тут же вызывает и обращение «брат»:

Смотрите, Петруша
Плывет на спине;
А там вон Андрюша
Верхом на бревне.
Эй брат! не свалился
С коня своего:
Держися, держися,
Приляг на него.

Собиранием подвязок для «санного поезда» «командир» обозначает свое лидерство, а потом, конструируя игру и осуществляя раздачу ролей, окончательно утверждает свою роль:

Привяжите, —
Ну! везите:
Едем в Питер.
Я пусть кучер...

Причем все его команды исключительно формульны в контексте детского игрового поведения. «Я пусть кучер» — формула, обладающая качествами игрового закона (ср. «Чур, я кучер» и т.п.) и абсолютно не обсуждаемая с точки зрения игрового права. Согласно природе игровой лексики, кто первый сказал — тот и стал лидером, я сказал — так и будет. «Едем в Питер» — игровое «повеление», отсылающее к фольклорной традиции. В народных лирических песнях: если «дорожка», то «питерская» и «московская», если привозят подарки, то обязательно из столичного города и т.д. Так и в игре: если ехать на игровых «братьях», превращенных в лошадок, то в столицу. Интересно, что в тексте Шишкова очень четко выстроены пространственно-временные доминанты: как матки-святки — «корневое» время года, так и Питер — центр мира, «корневое» пространство. Конструирование игры с точки зрения игрового лидера закономерно строится на растущем самовосхищении и стремлении к предельной самореализации. «Кучер» вырвался как из горизонтальных связей игрового «братства», иронически и даже уничижительно превращенного в «лошадок резвоногих», так и из иерархии «взрослый-ребенок». Он осуществил свою мечту (хоть и в игре), он стал взрослым, он может произносить нарочито грубые фразы,

подражая настоящим ямщикам («Прочь с дороги!/Держи право!»)³⁸, и «едет в Питер» твердо управляя «резвоногими лошадаками». Кажется, впервые в русской поэзии Шишков изображает феномен игрового взросления, артикулированный самим ребенком.

Уникальность шишковского прецедента — в конструировании игры в сам момент игры, с очень точной передачей игрового сценария и игровых ролей. Можно предположить, что и детская читательская рефлексия была соответствующей — игровое переживание поддерживалось насыщенностью игровых формул, собственным (и всеобщим) опытом игр и подражательных практик. От поэтического слова оно вело не только в зону детских воспоминаний, но и в зону детских игровых желаний и ожиданий.

«От ученья/ За веселье...»

Погружение в игру сменяется завершающим восторженным восклицанием «Ай, ребятки!/Ну уж браво!», которое перекликается с призывом к игре («Эй, ребята!») и композиционно замыкает игровой нарратив. Шишков снова проявляет себя искусным мастером суффиксальной поэтики — он полностью выстраивает ряд форм номинации детей: «ребятишки-ребята-ребятки». И если «ребята» — «титульное» наименование из сферы игрового этикета, то «ребятки», как и «ребятишки», скорее относятся к взрослому лексикону, то есть к «всплывшему» резонеру. «Двоение» субъекта здесь наиболее очевидно: с одной стороны, он только что был внутри детей (и даже игровым лидером), а с другой, он оказывается восторженным взрослым наблюдателем, восхищающимся и умиляющимся детской игрой.

В формируемый Шишковым «словарь» детских позитивных эмоций добавляется еще радость усталости, а детская грамматика игровых ожиданий дополняется грамматикой игрового опыта — господство будущего и настоящего времен и императивных форм глаголов сменяется сгущением форм прошедшего времени:

Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночи;
Не видали,
Как часочки
Пролетали.

Собственно говоря, появляется и сам ход времени, который «отменялся» праздником и резко убыстрялся игрой. Такое счастливое

исчезновение времени в игре закономерно вызывает вопрос резонера, подразумевающий, что вся детская жизнь и сводится исключительно к катаниям:

Только ль дела,
Что катайся?
Чем изволишь
Забавляйся:

На вопрос сразу следует и ответ, на первый взгляд, явно подтверждающий верность вопроса — действительно, кажется, детская жизнь (по крайней мере, зимняя) целиком сводится к забавам:

Чем изволишь
Забавляйся:

Но это только на первый взгляд, так как понятие забав вдруг неожиданно расширяется, вбирая в себя не только праздник, но и работу:

От ученья
За веселье,
От веселья
За ученье.

Можно сказать, что Шишков создает некую утопическую формулу детства, где сама смена «ученья» «весельем» и оказывается высшей и правильной формой «забавы». Формула, конечно, возникает в зоне «голоса» взрослого резонера, но, очевидно, отчасти переродившегося под влиянием Николаши. С другой стороны, можно предположить, что Шишков здесь завершает свою педагогическую мысль о позитивности категории «забавного» для ребенка. Заряд «забавного», полученного ребенком зимой и в «корневое» время святок (здесь Шишков воспроизводит традиционный механизм святочного «наделения» на будущий год: богатством и благополучием в колядках, эротической энергией в игрищах ряженных, погодой в приметах и т. д.), позволяет и «ученье» превратить в «забаву», или, говоря другим языком, правильно выстроить свою жизнь как чередование «веселья» и «ученья».

«Всяко время / Мне не бремя...»

В финальном фрагменте стихотворения Шишков возвращается к апологической модели и к прототипическому тексту Овербека, с ходу формулируя идею сезонной равноправности:

Всяко время
Мне не бремя...

Правда, в отличие от нравоучительной безличной конструкции Овербека («Кто... тот»), Шишков использует форму личного высказывания, еще и опираясь на распространенную народную рифму «время — бремя». В «Толковом словаре...» В. И. Даля зафиксировано несколько пословиц с этой рифмой: «Иное время — иное бремя», «Было времечко — осталось одно беремечко», «Дело вовремя не бремя». Фактически Шишков снова или создает, или, возможно, цитирует достаточно универсальную формулу.

Возвращается в финале и противопоставление «весна — зима», замыкая композиционное кольцо стихотворения:

И зимою,
Как весною,
Слава богу,
Не скучаю...

Следует заметить, что заданные Шишковым системы координат («ученье — веселье», «зима — весна») отнюдь не дублируют друг друга, а существуют в сложных взаимоотношениях. Зима наделяет радостью, снимая оппозицию «ученье — веселье», ибо и первое способно приблизиться к «забаве». А что бы делала весна, если бы ее описание было создано Шишковым по дискурсивной модели «Николашиной похвалы...», можно только догадываться.

В последних двух стихах «Николашиной похвалы...» Шишков эффектно использует потенциал «детской риторики»: Николаша заговорил явно взрослым и, тем более, возвышенным языком, что, конечно, вызывает улыбку и умиление, но, не снисходительный смех, как бывает с детскими речами о высоких вещах, так как «детская риторика» по поводу «детских вещей» оказалась более чем убедительной:

Но вкушаю
Радость многу.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЛИ ПОХВАЛА СТИХОТВОРЕНИЮ А. С. ШИШКОВА

То, что А. С. Шишков почти по всем позициям детского поэтического дискурса оказывается первым в русской литературе, сказано много раз до нас и много раз нами в данной статье.

Но первенство — отнюдь не стопроцентный залог «хрестоматийности» и «классичности» (если вспомнить определение П. В. Засодимского «классическое стихотвореньице»). Позволим предположить, что и новации, и уникальность поэтического дискурса, и несомненный успех в восприятии читателей (они легко «запоминали» и легко «понимали» «Николашину похвалу...»); ср. слова слуги у И. А. Гончарова: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба») во многом объясняются особой эпистемологической позицией автора. Он находится на границе культурных миров, совмещая в тексте фольклорное и литературное (европейского образца!) сознание. Насколько осознанно действует Шишков, не беремся судить, но, скорее всего, он оказывается в измерении «наивного письма»: в его тексте как бы «проговаривается» детский опыт проживания народной праздничной жизни. В «Детской библиотеке» Кампе лишь еще один текст может быть эпистемологически приближен к «Николашиной похвале...» — это «Песенка на купание», столь же далекая от прототипа.

Эта эпистемологическая «порубежность» обуславливает основные поэтические удачи Шишкова в «Николашиной похвале...». Во-первых, он создает поэтическую версию народного детского праздничного и игрового дискурсов в рамках литературы Нового времени, со «словарями» детских зимних эмоций и детских речевых формул и изысканной суффиксальной поэтикой. Хотя можно ситуацию представить и иначе — как трансплантацию народного дискурса в поэтическую речь русской поэзии XVIII в.

Во-вторых, Шишков доводит до совершенства стиховую технику двухсложного хоря, прививая к нему изошренные ритмы народных считалок. «Нехитрый», по словам В. А. Кошелева, текст изобилует множеством стихотворческих хитростей. Например, Шишков использует в стихотворении и парную, и перекрестную и кольцевую рифмовку. При этом каждая из них выполняет свои композиционную и семантическую функции. Для перекрестной рифмовки характерны случаи рассуждения и описания: «Хоть весною /И тепленько, / А зимою / Холодненько»; «Вплоть до ночи; / Не видали, / Как часочки / Пролетали» и др. Парная рифмовка сдвинута к семантике перечисления: «Где пирушки, / Где игрушки»; «Накатались, / Наигрались» и т. д. Кольцевая рифмовка возникает в стихотворении три раза, всегда в ситуации замыкания фрагмента и обобщения.

В-третьих, именно «пограничность» эпистемологической позиции позволяет Шишкову уйти от прямого резонерства, нейтрализовать его воспроизведением народной детской игровой и праздничной речи, создав в результате эффекты «плавающего резонерства», детско-взрослой «двухголосности» и «детской риторики» по поводу «детских вещей».

В 1840-е гг. меняется европейская эпистемологическая парадигма: резонерство, даже «плавающее», перестает быть востребованным, а «детская риторика» уже не вызывает умиления. Хотя топика зимних детских забав продолжает быть актуальной для литературного сознания. Совсем на иных эпистемологических моделях, других принципах поэтики и техниках стиха она, на наш взгляд, будет воссоздана в стихотворении, хрестоматийность которого осознается до сих пор — «Вот моя деревня...» И. З. Сурикова.

Впрочем, «Николашина похвала зимним утехам» как «классическое стихотвореньице» обладает всеми необходимыми качествами, чтобы возвращаться в читательский обиход — в те историко-культурные периоды, когда эти самые качества становятся актуальными.

Примечания

¹ Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с онаго переведена г. *** [А. С. Шишковым]. В Санктпетербурге: Иждивением Императорской Академии наук, 1783–1785.

² В первой части своего 17-томного «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена» (1818) автор представляет 148 переводов произведений Кампе. Объясняется это следующим: «сии две части с прибавлением новых басенок почти вдвое больше двух прежних частей» (С. 3, нenum.)

³ В качестве примера можно привести стихотворение «Наташа», где брат умоляет сестру не пить свежую воду во время игры. Заболев, Наташа отказывается пить горькое лекарство, прописанное доктором. Цитируем последние три строфы:

Болезнь меж тем усугублялась,
И ах, на утренней заре,
Наташа бедная скончалась
Лежала мертвая в одре!

Тогда Петруша вдруг вбегает;
Сестру зря бледну пред собой,
И тело с криком упадает,
И тут же век кончает свой.

Тела их вместе положили,
И над могилой сделан знак.

Сие от Лейпцига в пол мили;
Кто едет мимо, видит всяк
[2-я часть, № 47, с. 107–109].

⁴ См. о связи стихотворений «Умирающее дитя» А. С. Шишкова и «Смерть пионерки» Э. Багрицкого в: [Артемьева 1998, с. 66].

⁵ Подробно об этом: [Боленко 1996, с. 58].

⁶ Подробно об этом: [Там же].

⁷ Все переводы — прозаические.

⁸ «Книгу сию по всей справедливости нужно признать за нужную, полезную, и весьма достойную вниманию Публики, а особливо родителей, воспитателей, наставников. Во-первых, она писана столь простым и внятным слогом, что всякое дитя, какого бы рода, возраста и пола не было, едва научась разбирать буквы, может читать ее — без всякого понуждения — охотно, а чрез то и нечувствительно приобщаться к чтению, упражнению, которого необходимость и польза всякому довольно известны. Во-вторых, все пьесы столь хорошо приурочены к понятию детей, что самые малолетние могут snacksать смысл в них, не требуя никаких толкований. В третьих — главная цель оных пьес — вернейшим и легчайшим образом, то есть забавляя — научать малолетних детей с самой нежной весны их жизни благочестию и добронравию. В них они увидят прекрасные примеры добродетелей: как-то, редкое великодушие, отменную кротость, благодетельную сострадательность, с их приятнейшими плодами. В них усмотрит он пагубные следствия легкомыслия, гордости, лености, непослушания и других пороков. Из них займут он твердые и здравые понятия о многих важных предметах и истинах: на пример, о Боге, Его всемогуществе, премудрости, благодати и правосудии; о душе, ее бессмертии и других свойствах; о неизъяснимой красоте вселенной, и пр. — что все, как вышепредложено так просто, ясно и понятно, что может быть вразумительным даже четырехлетнему благовоспитываемому младенцу... Остается пожелать, чтобы чадолубивые родители приняли сию книгу благосклонно, чего она достойна, и какого бы они состояния не были, поставили бы себе долгом непременно занимать оную детей, как только начнут они хоть несколько уметь читать; ибо — для настольного чтения — верно лучше не найдут, и всеконечно получают сами и доставят детям такую пользу и удовольствие, каких усерднейше желает им всем вообще оныя [Беспенный подарок 1797, с. III–VI].

⁹ Источник перевода Шишкова указан в кн.: Drews P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 284–285 (№ 1101).

¹⁰ Der frohe singende Christ zu Hause und auf dem Felde: ein Volks-Liederbuch zur hauslichen Erbauung und zur unschuldigen, nützlichen Unterhaltung, zugleich ein Hausbuch für christliche Familien, und eine Mitgabe für austretende Feyertagsschüler/Von einem katholischen Seelensorger zunächst für seine Schule und Gemeinde bestimmt. 2. Teil. Augsburg: in Kommission bey Nicolaus Doll, 1817. 172. S. 116 (383. Der Winter); Mustersammlung aus deutschen Klassikern geordnet nach den Bedürfnissen unterer, mittlerer und oberer Klassen der verschiedenen Schulanstalten Deutschlands, in drei Cursus gestellt und herausgegeben von mehrern Lehrern der Bürgerschule zu Leipzig. Erster Kursus: Sammlung von Denksprüchen, Liedern, Fabeln, poetischen und prosaischen Erzählungen... Für Kinder von 5 bis 10 Jahren zur Förderung zweckmässiger Bildung des Gedächtnisses, Verstandes und Herzens. 2., vermehrte und durchaus verbesserte Auflage. Leipzig: Carl Heinrich Reclam, 1827. 320 + XCII S. 98 (26. Lob des Winters. (Похвала зимы). [ошибочно подписано "Claudius"]; Blumengärtchen: ein Geschenk für Knaben und Mädchen (von 8–12 Jahren)/Von Jochann Georg Wirth, Oberleiter der Kleinkinderbewahranstalten Augsburgs. Augsburg: Verlag von Lampart & Co,

1842. 95 S. 84: (13. Der Winter); Sonntagsschul-Gesangbuch der Reformirten Kirche in den Vereinigten Staaten. Cleveland, Oh.: Deutsches Verlagshaus der Reformirten Kirche in der Ver. Staaten, 1876. 374 S. 319 (303. Jauchze, wenn der Frühling weckt).

¹¹ Поддерживая очень точное наблюдение относительно «компактности» шишковского издания, мы не склонны соглашаться с другими выводами Е. Олескиной. Первое касается «точности перевода». Да, подавляющее большинство переводов Шишкова из Кампе — почти калька, с отдельными «вставками» русификации. Но редкий ряд знаковых примеров, хотя бы «Николашиной похвалы...» и «Песенки на купание», где Шишков только относительно следует оригиналу, позволяет сказать о значимой оригинальности Шишкова в отношении первоисточника. Второе несогласие связано с идеей большей концентрации «жесточкого нравоучения» у Шишкова, чем у Кампе. Примеров нравоучительной «детской смерти» у Шишкова меньше. Что касается «жесточкого нравоучения» на примере животного мира (чего у Шишкова достаточно, например «Злодействующий кот и невинно страдающая Шавка»), следует заметить, что детская читательская рефлексия XVIII в. была лишена «экологического» сопереживания.

¹² Зеркало света. 1876. Ч. I. № 8. 182–188.

¹³ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, систематическим порядком расположенная. СПб. 1818. № 1613, 1648.

¹⁴ См. [Боленко 1996, с. 62].

¹⁵ Цит. по: [Боленко, Лямина 1994, с. 227].

¹⁶ *Mustersammlung aus deutschen Klassikern geordnet nach den Bedürfnissen unterer, mittlerer und oberer Klassen der verschiedenen Schulanstalten Deutschlands, in drei Cursus gestellt und herausgegeben von mehreren Lehrern der Bürgerschule zu Leipzig: Sammlung von Denksprüchen, Liedern, Fabeln.* 2. Aufl. C. Heinrich, 1827 S. 98.

¹⁷ Московский Телеграф. 1831. № 9. С. 108.

¹⁸ *Mustersammlung aus deutschen Klassikern geordnet nach den Bedürfnissen unterer, mittlerer und oberer Klassen der verschiedenen Schulanstalten Deutschlands, in drei Cursus gestellt und herausgegeben von mehreren Lehrern der Bürgerschule zu Leipzig. Erster Kursus: Sammlung von Denksprüchen, Liedern, Fabeln, poetischen und prosaischen Erzählungen... Für Kinder von 5 bis 10 Jahren zur Förderung zweckmässiger Bildung des Gedächtnisses, Verstandes und Herzens.* 2., vermehrte und durchaus verbesserte Auflage. Leipzig: Carl Heinrich Reclam, 1827. 320 + XCII S. 98 (26). Lob des Winters. [ошибочно подписано "Claudius"].

¹⁹ «Азбука русская новейшая, или Букварь для обучения малолетних детей чтению, с молитвами, нравоучениями, с краткими для детей повестями, с показанием чисел и таблицею умножения». Изд. 6-е. 1844.

²⁰ Педагогический листок. 1878. № 3–4. С. 179.

²¹ Здесь также отмечено, что перед Шишковым стояла сложная задача: «выработать простой детский слог» «над которым едва ли кто прежде работал».

²² Отечественные записки. 1846. Том 50. Отд. 6. С. 114–115.

²³ Московский Телеграф. 1831. № 9. С. 108.

²⁴ Чернец Л. В., Семенов В. Б., Скиба В. А. Школьный словарь литературоведческих терминов: Иносказательность в художественной речи. Тropy. Стиховедение. М., Просвещение, 2005.

²⁵ Возвращающаяся популярность стихотворения А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» (в том числе актерское чтение в сети), видимо связана с активными републикациями стихотворения после публикации его в антологии Е. О. Путиловой [Русская поэзия детям 1989, с. 103–105].

²⁶ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1991. Вып. 1–6; СПб., 1992–2015. Вып. 7–21. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> Далее по тексту статьи цитаты даются без сносок.

²⁷ Пунктуация ли это автора писем или их публикатора, нам не известно.

²⁸ На данный текст ссылается В. Н. Топоров в статье, посвященной реконструкции мифологической семантики имени «Сидор Карпович» как имени «первого покойника» — первого похороненного и первого поминаемого персонажа. См. в [Топоров 2007, с. 88–89].

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <http://slovardalja.net/>. Далее по тексту статьи цитаты на словарь В. И. Даля даются без сносок.

³⁰ «Улин — хлебная матка» (записано О. Р. Николаевым в д. Улин Западнодвинского района Тверской области).

³¹ «Там, к Липовке — малиновая матка» (записано О. Р. Николаевым в д. Слепнево Торопецкого района Тверской области)..

³² Даль В. И. Пословицы русского народа. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ В этом контексте шишковские «личищи» на «игрищах» выглядят вполне оппозиционно как нарочитая демонстрация народной святочной топки.

³⁶ В «Словаре русского языка XVIII века» одно из значений слова «игрушка»: «Игра, забава, развлечение. Подшутить, сыграть игрушку».

³⁷ Цитируется по «Словарю русского языка XVIII века».

³⁸ Любовь детей к подражанию таким специальным профессиям, как ямщики, пожарники т. д., хорошо известна.

Источники

Campe J. H. Kleine Kinderbibliothek. Hamburg, 1779.

Lieder für Kinder aus Campes Kinderbibliothek mit Melodien, bey dem Klavier zu singen, von Johann Friedrich Reichardt, Königlich preußischer Capellmeister. Hamburg: Heroldsche Buchhandlung, 1781.

Аксаков С. Т. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 1. М., 1955.

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 8. М., 1955.

Бестужев А. А. Взгляд на новую и старую словесность в России // Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823.

Бесценный подарок для благовоспитываемых детей, или Новая детская библиотека, заключающая в себе краткие, трогательные повести, нравоучительные сказочки, замысловатые басенки, занимательные разговоры и небольшие комедии, — которых герои большою частью малолетняя дети и их родители, воспитатели и наставники. Перевод с немецкого. М., 1797.

Биография адмирала Шишкова // Записки Ученого комитета Морского министерства 1842. Ч. XVI. С. 433–434.

Гончаров И. А. Слуги старого века // Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 7. 1980.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. Л., 1989.

Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением Известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. / Изд. Н. Гречем. СПб., 1812.

Кампе И.-Г. Детская библиотека, издана на немецком языке г. Кампе, а с оного переведена г.***. СПб., 1783. Ч. 1. С. 5 венум.

Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб, 1994.

Обоз к потомству с книгами и рукописями. (Из записок Н. В. Сушкова). Рауг. Кн. 3. М., 1854.

Поэзия крестьянских праздников/Вступ. ст., сост., подгот. текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970.

Ремизов А. Россия в письмах. Круг жизни. Письма 1817–1826 гг. // Заветы. 1914. № 3.

Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной Второй. 1768–1783. СПб, 1913.

Сербинович К. С. Н. М. Карамзин // Русская старина. 1874. № 9. С. 44–75.

Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским: [ч. 2]. — Москва: в Университетской типографии. 1810.

Сухонин П. Александр Семенович Шишков в его литературной деятельности // Журнал министерства народного просвещения 1861. Т. 63. № 3. Отд. 5. С. 27–44.

Стоюнин В. Я. Исторические сочинения. Вып. 1. Александр Семенович Шишков. СПб., 1880.

Троцкий В. Шишков Александр Семенович // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23: Шебанов-Шютц. С. 316–320.

Шишков А. С. Собрание детских повестей. Ч.1. СПб. 1806.

Исследования

Артельева Т. В. Загадка русской души, или Нужна ли нам вечная игла для прируса? // Альманах «Фигуры Танатоса». Искусство умирания. Выпуск 4. СПб, 1998. С. 66–76.

Бекетова Н. А. Очерк русской детской журналистики (1785–1855) // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855)/Под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. М., 1927. Т. 1. Вып. 1.

Боленко К. Г. “Kleine Kinderbibliothek” И.-Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестник Моск. у-та. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 57–68.

Боленко К. Г., Лямина Е. Э. «Классические стихотвореньице»: [о детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам»] // Новое лит. Обозрение. 1994. № 6. С. 222–227.

Вовин А. В., Лейбов П. Г. «Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века» // Acta Slavica Estonica. Вып. IV. Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: University of Tartu Press. 2013. С. 7–34.

Головин В. В. Детское обычное право // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре/Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Oakland, 1997. С. 7–26.

Кошелев В. А. «Николаша»: первый образ ребенка в русской поэзии // Детская литература и воспитание. Тверь, 2010. С. 123–125.

Олескина Е. Конфликт французской и немецкой традиции в русской детской литературе конца XVIII — начала XIX в. А. С. Шишков как переводчик Кампе //

Озерная школа. Тр. Пятой Межд. летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирйо) Лен. Обл., 2009. С. 122–131.

Привалова Е. П. «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. М., Л. 1966. С. 254–260.

Рейтблат А. И. Булгарин и III Отделение в 1826–1831 гг. Публ. А. И. Рейтבלата // Новое лит.обозрение. 1993. №2.

Русская поэзия детям. Вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Е. О. Путиловой. Л. 1989.

Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. Сб. 28. М., СПб. 2015. С. 323–374.

Топоров В. Н. Об одном архаичном переживании: похороны Сидора Карповича // Имя: Семантическая аура. М., 2007.